

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧАСТИЦЫ KU В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Впервые частица կու (*ku*), появляется в армянских письменных памятниках в начале XII в. Частица կու, имея изначально ограниченное употребление в языке, в последующие века получила широкое распространение. В литературных памятниках XII-XIV вв. на среднеармянском языке уже достаточно часто встречаются формы новообразованного презенса образованные частицей կու (в сочетании с глаголами настоящего времени грабара). Эта частица встречается при глаголах, как с инициальной согласной, так и с инициальной гласной. Существуют также редуцированные фонетические варианты частицы կու – կը (*kə*), կ (*k*). Фонетическая редукция частицы կու является еще одним свидетельством ее широкого употребления.

Мы впервые встречаемся с частицей կու в памятниках XII в., однако, несомненно, то что тогда она не появилась внезапно, так как на этом этапе развития языка потребность в ней еще не ощущалась¹. Необходимость упразднения многозначности в выражении настоящего времени и было тем пусковым механизмом в результате которого կու стало проникать в парадигму положительного спряжения настоящего времени. В своей книге “Аналитическая грамматика ашхарабара или современного армянского языка” А. Айтынян, исходя из ряда языковых фактов, приходит к следующему заключению: “Частица կու появляется в языке в тот промежуток времени, когда старое изъявительное наклонение проникает в сферу сослагательного и таким образом получает возможность передавать значение форм будущего времени.

Р. Ачарян, основываясь на данных Карста, говорит: “Впервые частица կու появляется в армянской литературе в XII веке. У Мхитара Гераци встречается в двух случаях – կու գայ (*ku gay*) и կու լինի (*ku lini*), которые в венецианском издании 1832 г. хотя и приведены в одно слово կուգայ, կուլինի, должны были быть даны отдельно². Как отмечает А. Маркарян: “Этот памятник грешит ошибками: и действительно здесь помимо форм կու գայ и կու լինի встречаются и такие, как կուսէն (*kasen*), կուսէ (*kanē*), կուրկարանի (*kutkarana*), կերէնիս (*kerewnay*), կուքաշէ (*kukashē*), կումանտրէն (*kumantren*), которые не всякий арменист и заметит³”.

1 А. Айтынян, Критическая грамматика ашхарабара или новоармянского языка, Вена, Тип. Мхитаристов, 1866, ст. 75 -76.

2 Р. Ачарян, Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками, т. 4, Ереван, 1959, ст. 389.

3 А. С. Маркарян, Составные глаголы армянского языка, Ереван, 1961, ст. 375.

М. Абемян относит наиболее ранние употребления приставки կու к “Басням” Нерсеса Шнорали: “Уже со времен Нерсеса Шнорали (XII в.) встречается изъявительное настоящее и прошедшее несовершенное (время), образованные приставкой կու, например: Քան զծիրանի ծով կուծփայ (*K'an zcirani cov kuc'p'ay*); Հետ կու կանչէ գետ ըզհետ (*Het ku kanč'ē get əzhet*); Գարին ի փորն կու աճէ (*Garin i p'orn ku ač'ē*); Պարան յետնն ի քարշ կու գայ (*Paran yetewn i karš ku gay*); Անդ կու ճեմի և չուայ քարտէզ (*And ku čemi ew č'tay k'artēz*); Ճորտն զպահուցն կու քաշէր (*Čortn zpahuc'n ku kaš'er*); Ու կու իջնայր ի Խորասան (*U ku ijnayr i Xorasan*)”⁴. По мнению А. Маркаряна, эти формы, будучи более раннего происхождения, чем встречающиеся у Мхитара Гераци, являются, в принципе, первым случаем употребления частицы կու при глагольных формах в средневековой армянской литературе.⁵

Первые исследования, относительно происхождения частицы կու принадлежат А. Айтыняну. Он указывает два возможных источника возникновения этой частицы. Принимая во внимание возможность ее арабского происхождения, А. Айтынян считает более вероятным возникновение частицы կու результатом слияния слов կայ и ու (կայ ու (*kay u*) – *Ред.*) вследствие их длительного контактного употребления в языке, маркировавшего определенное грамматическое значение: “... издавна частица կու является соединением слов կայ и ու, когда слитно произносилось կու նայի (*ku nayi*) – вместо կայ ու նայի (*kay u nayi*), կու ուտէ (*ku utē*) – вместо կայ ու ուտէ (*kay ew utē*), կու կապէ (*ku kapē*) – вместо կայ ու կապէ (*kay u kapē*), то впоследствии и в остальных лицах утвердилась обшая форма: կու լսենք (*ku lsenk'*) – կանք ու լսենք (*kank' u lsenk'*), կու տեսանէր (*ku tesanēr*) – вместо կայր ու տեսանէր (*kayr u tesanēr*) и т. д.”⁶. Согласно А. Айтыняну, только глагол կայ (*kay*) в армянском языке является различительным маркером двух времен, так как является одним из немногих и составляющих исключение глаголов армянского языка, который употребляется исключительно в сфере изъявительного наклонения. При употреблении կայ с глаголами как изъявительного, так и сослагательного наклонений образуются формы передающие исключительно изъявительное наклонение.

Р. Ачарян разделял версию А. Айтыняна о происхождении частицы կու: “Айтынян дает правильное объяснение происхождения частицы կու, которое хотя и отрицается Петерманом, однако принимается на сегодня всеми крупными арменоведами”⁷. В подтверждение сказанному Р. Ачарян приводит ряд аргументов. Он находит, что: а)

4 М. Абемян, Теория армянского языка, Труды, т. 6, Ереван, 1972, с. 255.

5 А. С. Маркарян, Составные глаголы армянского языка, Ереван, 1961, ст. 376.

6 А. Айтынян, Критическая грамматика ашхарабара или новоармянского языка, Вена, Тип. Мхитаристов, 1866, ст. 76 -77.

7 Р. Ачарян, Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками, т. 4, Ереван, 1959, ст. 393.

изменение началось с третьего лица и со временем распространилось на всю парадигму категории лица; б) хотя и редукция гласного *ш* в первом слого не была принята в среднеармянском, однако слова и частицы с высокой частотностью употребления могли подвергнуться нерегулярной редукции, например, *թոժ* (*t'oʒ*) перешло в *թ* (*t*) (несмотря на то, что в армянском языке корневое *п* в односложных словах не редуцируется), в свою очередь *կաշ* *п* перешло в *կն*; в) хотя *կաշ* *п* не так часто встречается в литературе древне- и среднеармянского периодов языка, однако оно вполне могло распространиться и стать обычным явлением, поскольку “исключительный случай, единичное явление, имеющее место в языке, которого подчас достаточно, чтобы стать более удобным, чем другие формы, неожиданно распространиться и за короткое время стать настолько частотной, чтобы вытеснить другие формы”; г) “такое употребление глагола *կամ* (*kam*) всегда аналогично употреблению формы *կենամ* (*kenam*), ... сослагательные формы *կենամ* и *կենայ* (*kenay*), с союзом *և*, при употреблении с **любым** глаголом в изъявительном настоящего времени, придают последнему значение сослагательного наклонения. То же самое произошло с формами *կաշ* и *կաշ*”. Однако форма *կենայ* (*kenay*) не получила распространения в языке и исчезла из обращения, потому что существовала только для маркировки сослагательного наклонения, чтобы не путать его с изъявительным; д) “*Կալ* и *կենամ* передают одно и то же значение, ... и служат в качестве вспомогательного глагола, как например *պիտի* (*piti*) для будущего времени, и *թոժ* (*t'oʒ*) – для повелительного наклонения. *Կալ* (*kal*) “быть, существовать” в качестве вспомогательного глагола встречается во многих языках; е) лучшим обоснованием точки зрения Айтыняна является способ образования отрицательных форм настоящего времени в кесарийском диалекте *չկամ կարդամ* (*č'kam kardam*), *չկար գրեր* (*č'kar grer*), *չկաւ գրեիր* (*č'kas greyr*): “Нет сомнения, что *չկամ* (*č'kam*), *չկաւ* (*č'kas*), *չկար* (*č'kar*) в данных конструкциях являются спрягаемыми формами глагола *կալ* (*kal*), деривацией которого является также *կաշ* *п* > *կն*”. Того же мнения придерживается также С. Антосян. Он приводит парадигму спряжения отрицательного настоящего времени в кесарийском диалекте (*č'i k'am girēm*, *č'i k'as girēn*, *č'I k'a girē*, *č'i k'ank' girēnk'*, *č'i k'ak girēk'*, *č'i k'an girēn*) и дополнительно замечает: «Не трудно убедиться, что из форм *č'i k'am*, *č'i k'as*, *č'i k'a* формы *č'-k'am*, *č'-k'as*, *č'-k'au* возникли при фонетическом изменении *k-k'*, которое произошло под воздействием звука *h'* (см. С. М. Антосян, 1972, с. 323). Интересно заметить, что для кесарийского диалекта Р. Ачарян отмечает формы с глухим согласным (*č'k'am*), а С. Антосян – с глухим спирантом (*č'i k'am*).

М. Абемян признает необоснованным толкование А. Айтыняна, поскольку “Это предполагает длительный период развития языка, что не могло не оставить своего следа в древне- или среднеармянском языке, а также в современных диалектах,

однако имеется только незначительное число примеров изъявительного наклонения, образованного с помощью глагола կալմ, о чем с полным правом пишет Карст: “Такое толкование могло быть достоверным, если бы было доказано, что 1) կայ ու и ու как праформа կու, когда-либо вообще, регулярно, или хотя бы часто, употреблялась в функции *упомянутого изъявительного наклонения*, а не только в единичных случаях ... 2) форма կու фонетически могла возникнуть из формы կայ ու”.

М. Абемян также отмечает, что в письменных источниках не встречается ни одного примера, где форма կայ ու была бы употреблена с другими лицами глагола не настоящего, а прошедшего несовершенного (времени). После всего сказанного, он делает вывод: “случаи употребления глагола կալմ с целью дифференциации изъявительного наклонения представляли из себя лишь изолированные обороты, которые остались таковыми и не стали спрягаемыми формами”⁸.

М. Абемян изложил новую точку зрения на происхождения частицы կու. Он считает, что կու берет свое начало от формы կոյ (*koy*): “կոյ древняя форма частицы կու, что явствует из рукописных источников, как: Այդ գարշելի ձաները, որ դու կոյ հանես, ոչ ի սաղմոսն կայ... (*Ayd garšeli janerd, or du koy hanes, oç i salmosn kay*) ... Թագաւորին փեսայն բժշկուի ին կոյ սոնէ եւ դէս հանէ (*Tagaworin p'esayn bžskutiwn koy ainē ew dewš hanē*)”. Следовательно, частица կոյ была вначале знаменательным словом в значении “*вот*” (арм. “*shsh*”), как например сохраняется в различных диалектах в формах կո (*ko*), կոյ (*koy*), գո (*go*), гю (*gyo*) - “*вот*”. Так, например, в “Армянском диалектологическом словаре” Г. Ачаряна находим это слово в форме կօ, с указанием ареалов его употребления – Хой, Хизан, Хлат, Мокс, Салмаст, Ван. В дальнейшем глагольная природа կոյ ослабла, и она превратилась в частицу, образующую изъявительное наклонение. Данная трансформация произошла по той причине, что форма կոյ при глаголе, оказывалось в безударной позиции и стала произноситься в одно слово со смысловым глаголом – կոյ-գայ (*koy-gay*); вот тогда посредством альтернации и образовалась форма կու-գայ. Позднее это явление перешло и в те диалекты, которые не имели формы կոյ. В этих диалектах она уже воспринималась как частица (наклонения – *Ред.*). М. Абемян предполагает, что частица կու возникла в диалектах района озера Ван, либо в армяно-иранских диалектах, так как “в XIX веке в диалектах района озера Ван, а также в армяно-иранских диалектах Хоя, Салмаста появляется слово կո в значении “*вот*”. К тому же, как видно из фольклорных источников на этих диалектах, слово կո (*ko*) в этих ареалах во много раз более предпочтительно в употреблении, нежели слова հրես (*hres*), հրեն (*hren*), “*вот*” в восточных диалектах или слово шшш “*вот*” в литературном языке”⁹.

8 М. Абемян, Теория армянского языка, Труды, т. 6, Ереван, 1972, с. 256.

9 Там же, с. 261.

Согласно точке зрения А. Гарибяна կըն берет свое начало от формы գոյ (*goy*), пройдя при этом несколько ступеней развития: “Для форм կը (*kə*), գը (*gə*), կըն (*ku*) более вероятной нужно считать ту гипотезу, согласно которой частица կը, կըն берет начало от армянского слова գոյ (*goy*) “существует, есть”, следовательно, կը կարդաւ (*kə kardam*) равно գոյ կարդաւ «*goy kardam*”, т.е. «вот читаю» или «իւ կարդաւ կ» «мое чтение есть». Если общая для армянского языка форма презенса կարդաւ (*kardam*) «читаю» была принята в диалектах как форма желательного наклонения, то для выражения презенса индикатива к ней прибавилась форма գոյ, имеющая смысл “существование”, “есть”, “имеется”, “вот”, откуда пошло գոյ > կոյ > կըн > կը (*goy > koy > ku > kə*). Лучшим доказательством этого развития является тот факт, что диалектная ветвь **һу** (кесарийский диалект) образует настоящее (завершенное) с помощью частицы һш (*ha*), которая и есть слово шһш “вот”. Например, һш կրրիւ (*ha kərim*), һш կրրիս (*ha kəris*), һш կրրի (*ha kəri*) “пишу”, “пишешь”, “пишет”. Следует учесть, что то же слово шһш “вот” в малатийском диалекте употребляется для образования форм настоящего продолженного”¹⁰.

А. Маркарян также обратился к вопросу происхождения частицы կըн, в своей капитальной работе посвященной этому вопросу. Пересмотрев точку зрения А. Айтыняна и проанализировав приведенные Р. Ачаряном объяснения, он пишет: “Целый ряд фактов и явлений армянского языка не позволяет, однако, принять данную крупным армянским лингвистом интерпретацию генезиса показателя наклонения կըн կը и рассматривать его как соположение слов կշ կըн”¹¹.

Его первое возражение заключается в следующем. Если признать, что կըн восходит к կշ կըн, то тогда, хотя бы в отдельных редких употреблениях կշ կըн должно было предшествовать կըн или по крайней мере встречаться в рукописном материале одновременно с կըн. Между тем как показывают факты исторического развития языка, форма կշ կըн не только не предшествует կըн (կ), но и отсутствует там, где կըн (կ) встречается впервые как маркер наклонения. В ранних письменных источниках армянского языка вместо կշ կըн встречается форма կշ կ (*kay ev*), которая продолжает употребляться и в более позднем периоде, уже после становления կըн как показателя наклонения.

Кроме того, по мнению А. Маркаряна, форма կշ կըн (если принять, что она была употребительной в разговорном языке), не могла подвергнуться нерегулярной редукции по той причине, что “незакономерные сокращения” становятся возможны и возникают в тех случаях, когда какое-либо явление получает широкое распространение в языке”¹².

¹⁰ А. С. Гарибян, Армянская диалектология, Ереван, 1953, с. 174.

¹¹ А. С. Маркарян, Составные глаголы армянского языка, Ереван, 1961, с. 369.

¹² Там же, с. 370.

А. Маркарян подверг критике также трактовку происхождения частицы լըն данную М. Абегианом. Первое его возражение заключается в том, что լիշ исторически не предшествует, а следует за լըն, тогда как, будь լիշ праформой լըն, то она должна была предшествовать ей и появиться не в письменных источниках XIII в., а в памятниках более ранних веков. “Если признать, что լըն (լը) восходит к форме լիշ, которая по тем или иным причинам позже проникла в письменные памятники, то рассматриваемая праформа լիշ в роли модального слова, в значении “вот” должна была бы встретиться в древних письменных источниках. Между тем լիշ нигде не встречается в такой функции и выступает, только как показатель отрицательного спряжения”. Далее, если действительно в некоторых диалектах формы լը, լըյ, զը, զըյ в значении “вот” восходят к праформе լըյ и представляют собой ее инварианты, то они хотя бы фонетически не должны были бы отличаться от соответствующего показателя глагольного наклонения¹³.

С точки зрения А. Маркаряна остается непонятым также тот факт, что в диалектах, имевших праформу լըյ, с одной стороны исчезло ее лексическое значение “вот”, и она превратилась в модальную частицу, с другой стороны լըյ параллельно продолжало функционировать в своем исконном значении. И, наконец: “В том случае, если модальная частица լըն (լը) восходила бы к предполагаемому образующему личные формы глаголу լըյ в значении “вот”, то говоря словами самого М. Абегиана, “не могла не оставить следа в древне- или среднеармянском языке”¹⁴.

Не считая закрытым вопрос о происхождении частицы լըն в армянском языке, А. Маркарян выдвигает новую версию: “Модальная частица լըն (լը) своим генезисом связана с формой լիւմի (kami) - 2Sg. настоящего времени от модального глагола грабара լիւմիլ (kamil) “желать” и появилась благодаря широкому употреблению ее в сочетании с инфинитивом как следствие «незакономерного стяжения» одного и превращения в личный глагол другого»¹⁵.

Для обоснования своей точки зрения он приводит целый ряд фактов. Во-первых, լիւմիլ относится к тем глаголам грабара, которые часто употреблялись с инфинитивом смыслового глагола и выражали модальность. Хотя глагол լիւմիլ и не отмечен как модальный, однако факт образования с инфинитивом составного сказуемого, а в среднеармянском языке также будущего времени, подтверждает, что глагол լիւմիլ употреблялся в значении волеизъявления и был одним из тех модальных глаголов армянского языка, которые с течением времени стали модальными частицами. В дальнейшем, широко употребляясь с инфинитивом, глагол լիւմիլ не мог внезапно выпасть из языка и в какой-либо форме должен был сохраниться. Факты же

13 Там же, с. 373.

14 Там же, с. 377.

15 Там же, с. 377.

письменных источников свидетельствуют о том, что его употребление постепенно сокращалось вплоть до полного исчезновения. Частотность же (параллельного) употребления модальной частицы лпл (лр) увеличивалась. В ранних письменных источниках преобладает форма $\text{лшл}^{\text{л}}\text{л}$, а в дальнейшем частотность употребления этой формы снижается и одновременно расширяются рамки употребления частицы лпл . Во-вторых, по мнению А. Маркаряна “основным подтверждением того, что модальная частица лпл (лр) восходит к форме 2Sg. глагола $\text{лшл}^{\text{л}}$ от $\text{лшл}^{\text{л}}$ является, несомненно, его широкое употребление с неопределенной формой глагола”¹⁶.

Каким же образом модальная частица лпл произошла от формы $\text{лшл}^{\text{л}}\text{л}$? По мнению А. Маркаряна, когда инфинитив, употреблявшийся совместно с глаголом $\text{лшл}^{\text{л}}\text{л}$, стал выступать в личной форме, то, во-первых укрепилось выражаемое этим сочетанием модальное значение, во-вторых, создались предпосылки для грамматической генерализации и модификации глагольной части. Изменение началось с третьего лица единственного числа презенса индикатива, а основой для перехода $\text{лшл}^{\text{л}}$ в лпл послужило то, что инфинитив стал выступать в личной форме.

Итак, согласно А. Маркаряну частица лпл восходит к глаголу $\text{лшл}^{\text{л}}\text{л}$, причем наблюдаются следующие стадии развития – $\text{лшл}^{\text{л}}\text{л}$ $[\text{h}^{\text{л}}\text{e}^{\text{л}}]$ > $\text{лшл}^{\text{л}}$ $[\text{h}^{\text{л}}\text{e}^{\text{л}}]$ > $\text{л}(\text{шл}^{\text{л}})\text{пл}$ $[\text{h}^{\text{л}}]$ (*kamim linel* > *kami linel* > *k(ami) u lini*). “По нашему мнению пл в словоформе лпл представляет собой не остаточное явление при стяжении, а не что иное, как фонему, возникшую на стыке частицы лпл и глагола в одной из спрягаемых форм, исходя из необходимости благозвучия речи”¹⁷.

Переход $\text{лшл}^{\text{л}}$ > лпл кажется нам неубедительным. То, что форма $\text{лшл}^{\text{л}}\text{л}$ сводится к л , еще можно принять, если предположить, что время исторического развития языка это позволяло. Однако то предположение, что для благозвучия к л прибавился гласный пл , уже не выдерживает критики. Во-первых, на сегодняшний день л употребляется без гласного пл и тут не *возникает* неблагозвучия, во-вторых, почему собственно звук $\text{пл}(\text{u})$ должен был прибавиться, а затем выпасть, ведь в прибавлении заключался какой-то смысл. Другое дело, если бы это был корневой гласный, который со временем выпал.

Для доказательства того, что протеза пл вызвана необходимостью благозвучия, Маркарян проводит сравнение с модальной формой цлпцл (*piti*) “должно”, которая, претерпев фонетические изменения, сводится к рл , р в диалекте Артиала ($\text{ршрр}^{\text{л}}\text{л}$ (*barbim*), $\text{ршцл}^{\text{л}}$ (*b'asim*), в диалекте Амшена $\text{р}(\text{р}^{\text{л}}\text{qou}^{\text{л}})$ *b(bigom)*, т.е. цлпцл (*piti*) трансформируется в частицы рл , р , цл , л , пл , цл (*bi, b, pi, d, t, ti*). В некоторых диалектах от этой частицы остался только один согласный, но к нему для благозвучия однако не прибавлялся никакой гласный звук. То же могло произойти и с глаголом

¹⁶ Там же, с. 382.

¹⁷ Там же, с. 385.

լիւրիւ. Если бы возникла необходимость благозвучия, сохранился бы корневой гласный, а в этом случае мы имели бы уже не *լը*, а *լի*.

Необходимо отметить, что Э. Макаев признает наиболее приемлемой именно точку зрения А. Маркарян о генезисе частицы *լը* (*ku*): «А. Маркарян указывает также на различные индоевропейские языки, в которых обнаруживаются сходные черты с армянским языком в использовании модальных глаголов для выражения будущего времени. Данное объяснение представляется мне из всех предложенных наиболее убедительным»¹⁸.

Г. Джаукян в книге “Введение в армянскую диалектологию”, обращаясь к этому вопросу, пишет: “Основной элемент, образующий настоящее время в восточноармянских диалектах – частица *լը*, эта форма зафиксирована начиная с XII века: если оставить в стороне попытку, связать ее с глагольной формой *ըլ*, которая фонетически не оправдана, а также гипотезу кавказского ее происхождения, которая не имеет под собой сравнительно-исторического обоснования, то можно отметить две допустимые гипотезы – Айтыняна, согласно которой *լը* происходит из сочетания *լիւր* *ը*, и Абеяна, который связывает *լը* со словом-частицей *ըլ* – из них наиболее достоверной выглядит вторая и вот почему: во-первых, Айтынян не принимает во внимание, что в некоторых ареалах *լը* выражает не настоящее время, а утвердительное будущее – факт, который не сопоставим с сочетанием *լիւր* *ը*; во-вторых, в говоре польских армян (диалект Артиала) и в Басаргечаре *լը* соответствует форма *լի* (*ki*), которую нельзя считать фонетическим развитием от *լիւր* *ը* или от *լը*, но можно – от *ըլ*”¹⁹.

Исследуя генезис частицы *լը*, необходимо иметь в виду, что на обширном ареале развития армянского языка, частицы образующие презенс индикатива, не могли восходить к одной праформе. Справедливо высказывается по этому поводу А. Хачатрян: “Признание существования диалектной ветви **լը**, отличной от ветви **լի**, дает основание предполагать, что на раннем этапе эти формы также не были

18 Э. Макаев, Общая теория сравнительного языкознания, Москва, 1977, с 151.

19 Г. Б. Джаукян, Введение в армянскую диалектологию, Ереван, 1972, с. 104. Имеются и другие точки зрения на происхождения частицы *ku*, которые, однако, не выдержали критики со стороны лингвистов. По мнению Петермана, частица *ku* восходит к слову *kam* с падением звука *a* и звуковой заменой *m > u* (см.: Р. Ачарян, Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками, т. 4, Ереван, 1959, с. 390). Карст не приемлет этого толкования Петермана, так как: 1) *kam* не может фонетически перейти в *ku*; 2) *ku* является частицей-показателем не времени, а наклонения, т.е. она имеет изъявительное значение и употребляется как в настоящем времени, так и в прошедшем несовершенном и будущем (там же, с. 390-391). По мнению Г. Капанцяна *ku* является заимствованием из лазского языка: «Эту частицу *kə/ku* мы считаем родственной лазской частице *ko*, имеющей ту же функцию» (см.: Г. Капанцяна, 1939, с. 20). А. Мурвалян находит, что частица *ku* восходит к форме *kou* и родственна картвельской частице *kop//ko*, имеющей такое же употребление (см. А. Мурвалян, Основные значения частицы *kə* и глаголов с этой частицей в армянском языке, - В сб. Литературно-филологические исследования, т. I, Ереван, 1946).

идентичны. В пользу этого предположения говорит тот факт, что начальная форма կը не могла восходить к форме կըկ (как предполагали Айтынян, Ачарян и др.), а форма կիш – могла. Дело в том, что в сочетании կիш կ ударным является корневой гласный ш, а не союз կ, и, следовательно, должен был редуцироваться безударный կ, а не ш. Поэтому производной от формы կիш կ могла быть только форма կш, но не կըк; более обоснованным является объяснения генезиса կըк (от формы կըк), данное Абебяном²⁰.

Фонетическое обоснование имеет не только переход կըк > կըк, а также կըк > կի, что отмечает Г. Джаукян. Для окончательного доказательства правомерности точки зрения М. Абебяна недостаточно иллюстративного материала, на что указывал и сам ученый: “Для слова կըк у нас нет примеров из древних рукописей, т. к. нет рукописного древнего диалектного материала, однако в диалектах нашего времени мы часто встречаем это слово в форме կը (կըк) или կը (կըк) в настоящем времени изъявительного наклонения или настоящего в будущем: Կը տոս կը Էս ասելի (*Ko tu es asēli*); Ես կը քննեմ կը (*Es ko knēs em*); Կը տանցմեն տըկի ըկի (*Ko tanc'men tēki əli*); Կը ըտեց կըկի (*Ko ətēnc' kəli*)²¹.

Таким образом, гипотезу М. Абебяна надо считать достаточно достоверной в вопросе генезиса частицы կըк, а А. Айтыняна – в вопросе генезиса частицы կիш.

Gayane Gevorgyan

ABOUT GENESIS OF THE «KU» PARTICLE IN ARMENIAN

The grammatical particle կըк/ku appears for the first time in written sources at the beginning of the 12th century. Initially limited in use, it spread widely in the following centuries. Regional differences in pronunciation of կըк/ku suggest its transformation due to broad use. When considering the origin of կըк/ku, it is necessary to take into account that in the regional dialects of Armenian the current particles could not have developed from one form only. Based on pronunciation, not only the transition of կըк/koy – կըк/ku is justifiable, but also that of կըк / koy – կի / ki.

20 Армянский диалектологический атлас, 1982, с. 47.

21 М. Абебян, Теория армянского языка, Труды, т. 6, Ереван, 1972, с. 253-259.